

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№ 3 (85)
2022

№ 3 (85) • 2022 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИТА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книта»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 3

**Филологические науки.
Медиакоммуникации**

№ 3(85) • 2022

Сборник научных трудов

Луганск
2022

УДК) 08:378.4(477.61).ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И. И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е. Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В. М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С. М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С. Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О. В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просяникова О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И. А.	– кандидат филологических наук, доцент
Супрун В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. А. А. Новикова. – Луганск : Книта, 2022. – № 3(85) : Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 92 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 370 от 27 мая 2022 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 3 от 28.10.2022 г.)

УДК) 08:378.4(477.61).ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2022
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Марфина Ж. В. Концептуализация общественной мотивации отношений между членами семьи в восточнославянском народно-песенном субпространстве.....4

Чередниченко В. М. Лексикографическая репрезентация концепта «цвет» в словарях китайского и русского языков.....11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Грицкова Н. В., Бережная А. Д. Языковой код как основополагающий аспект идиостиля автора.....17

Ли Е. С. Становление японской литературной традиции от Античности до Нового времени.....22

Пантыкина Н. И. Женские образы в романе турецкого писателя Орхана Кемала «Брошенная в бездну».....27

Сотникова Ю. В. Жанровая характеристика англоязычных романов XX века.....32

Хатнюк А. В. Влияние социалистического реализма на роман Ивана Антоновича Ефремова «Лезвие бритвы».....36

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мерхелевич Г. В. Организация сетевого обучения специалистов разного профиля иностранному языку на монолингвальной основе.....41

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Грязнова А. М. Профессиональное развитие языковой личности переводчика в рамках интегративного подхода.....48

Каткова В. П. Прагматический аспект перевода фразеологических единиц в зависимости от типа текста.....56

Каткова В. П., Борzych Е. А. К вопросу о методологии перевода безэквивалентной лексики.....61

Фомина С. Б. Лексико-структурные характеристики юридической терминологии и способы ее передачи на русский язык.....70

Харченко Л. И., Батранча Ю. А. Локализация компьютерных игр: вопрос актуальности.....75

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Мифтахова О. В. Языковые особенности русофобской риторики Аннелены Бербок.....80

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ86

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ88

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 398.8:316.614.5(=16)

Марфина Жанна Викторовна,
канд. филол. наук, доцент,
ректор ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
kvitkakvitka.2016@gmail.com

Концептуализация общественной мотивации отношений между членами семьи в восточнославянском народно-песенном субпространстве

В данной статье рассматриваются сценарные мотивы в русском и украинском народно-песенном субпространстве, в которых названия родства выполняют роль базовых единиц. Представлены концептуальные цепочки, между компонентами которых установлены определённые устойчивые семантические отношения.

Ключевые слова: народно-песенное субпространство, названия родства, фольклорема, концептуальная цепочка.

Народно-песенная культура – среда, хранящая древние пласты национальной языковой практики и ценностно-аксиологические комплексы повседневной, ритуальной культуры, сегментов истории народа. Народно-песенное субпространство, как своеобразное фольклорное койне, соотносено с наддиалектной основой литературного языка и соответственно охватывает близкие и тождественные не только лексико-грамматические, но и ассоциативно-образные нормы словоупотребления, поэтические обороты, типичные микроконтексты.

Особенности песенного фольклора восточнославянских народов в разное время исследовали Т. М. Акимов, Е. Б. Артеменко, А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, А. П. Евгеньева, С. Я. Ермоленко, В. В. Жайворонок, Н. П. Колпакова, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, А. Л. Метлинский, С. Е. Никитина, И. А. Оссовецкий, А. А. Потеня, Н. В. Сумцов, Ю. А. Толмачев, Н. И. Толстой, И. Я. Франко, А. Т. Хроленко, П. П. Червинский и многие другие ученые. В исследованиях отмечено, что народные песни по-особому воздействуют на сознание человека, «имприминтируют в него ряд аутентичных знаний. Являясь музыкально-поэтической рефлексией быта, традиций и истории в целом, народная песня транслирует обширные знания в широкие массы» [6, с. 3526–3527].

В народно-песенной культуре (НПК) восточных славян (и русской, и украинской) в текстах, отражающих историю этих народов со времен становления древнерусского государства (XI в.) и до второй половины XIX в., наиболее выражена общественная мотивация отношений членов семьи. Прежде всего, в НПК представлена рекрутская (солдатская), невольничья (тюремная)

тематика, а в украинском народно-песенном субпространстве – тематика казачества, чумакования.

Как известно, одной из составляющих народно-песенного словаря являются названия родства (НР) [2, с. 8]. В фольклорных текстах они зачастую приобретают статус фольклоризмов, т. е. единиц, вошедших впоследствии в литературно-языковую практику с эстетической нагрузкой – эпичность, лиризм, песенность и т. д.

В народно-песенном субпространстве НР-фольклоремы не только реализуют свои, особенные смыслы, но и становятся словами-символами других ситуаций (ритуально-обрядовых, социально-политических), а также отражают развитие внутренней семантики этих единиц, связанной с формированием вторичной семы «родство» – ассоциативной, социокультурной, опосредованной другими функциями людей в общественной практике. Закрепляясь в одних и тех же функциях в песенных текстах, НР-фольклоремы приобретают еще более обобщенное предназначение – быть маркером поэтического мировосприятия (конкретно-чувственные образы нежности, доброты, лиризма и др.) [2, с. 156], ср.: фольклорные формулы (структурно-семантические повторы) *отец-мать, батько-ненька* и под. и песенное поэтическое употребление: *Тихий Дон, наш милый батюшка, / Ой да, тихий Дон, / Ой, и что же ты мутнехонек, Мутнехонек течеш; Батьку мій милий, темнешенький гаю, / Як же я нічку свою прогаю?*

НР-фольклоремы в соответствующих текстах включены в характерные концептуальные цепочки, в которых сохранена архетипическая проекция тех или иных сценариев *поведения, отношений* отдаленных общественно-историческими обстоятельствами родственников.

Цель нашего исследования – из смыслового наполнения анализируемых текстов установить комплекс сценарных мотивов, в которых названия родства выполняют роль базовых единиц; определить систему ядерных и вторичных концептов, вербализированных в русском и украинском народно-песенном субпространстве, их связь со сценарными мотивами.

Материалом исследования послужили тексты русских и украинских народных песен, выбранные из следующих фольклорных сборников: Русские народные песни: сборник / сост. А. Н. Розова. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.; Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові [упоряд. О. М. Хмільевська]. – К. : Музична Україна, 1967. – 735 с.

Основным методом анализа народно-песенных контекстов стало моделирование концептуальных цепочек [3, с. 50], в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – название родства), или два (концепты одной либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия. Между ними, благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов), установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки $\leftrightarrow$, $\leftarrow$, $\rightarrow$, $;$, $+$ указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т. п.) [5, с. 16].

Прежде всего стоит выделить направление концептуализации, центром которого является макроконцепт «род», его же вербализаторами в украинском народно-песенном субпространстве являются фольклоремы *род / рід, родина, родинька*. И в бурлацких, и в крепостнических текстах, в песнях наемных рабочих лирический герой (представитель рода) признается в своем одиночестве, сиротских чувствах, которые переполняют его в чужой стороне. В основном эти переживания он обозначает через утверждение отрицания общности с далеким родом, семьей – *нема роду, нема родиньки: Ой тужу я, тужу, / Бо в лихого пана служу (...)* / *Я гадаю мандрувати, / – Жаль ми роду покидати; / Не так роду, як мамочки: / Годувала з дитиночки; / Годувала, леліяла, / Потіхи ся надіяла; Та сидить бурлак у неволі, та рубаику латає, / Та поглядає крізь решотку, де родину має? / «Та нема в мене родиньки, но на Вкраїні дядько: / Він мене приголубить, як рідненький батько!».*

НР-фольклорема *мать-вдова* и номинация *сын*, как правило, входят в микроконтексты рекрутско-солдатского набора, панцины: *На ряду-то живе вдова грешная с сиротою, / У нее есть один сыночек-сиротина, – / Отдадим-то мы его во солдаты!; А у вдови один син, та й той пішов під аришин. / Його пани любили та й лоб йому забрали.*

Рекрутско-солдатский цикл народно-песенной субкультуры характеризуется актуализацией не только НР-фольклором, но и орнито- и растительной символики, которая опосредует духовную связь родителей и детей, в частности, сына, сыновей, которых по долгу родители должны отдать в войско: *зозуля* – «мать», «печаль, горе»; *вороной конь* – «верный друг», «опора»; *орел* – «отвага, победа», «воинский поединок»; *дуб, дубрава* – «опора», «сила», «жизнь»; *калина* – «краса», «молодость»; *барвинок* – «жизнь», *сад* – «отцовский дом; сами отец-мать». Это, как отмечают исследователи, одни из наиболее древних символов [4]. В целом из смыслового наполнения анализируемых текстов можно установить ведущую роль нескольких мотивов:

МАТЬ ВЕДЕТ / БЛАГОСЛАВЛЯЕТ СЫНА НА СЛУЖБУ – {[мать] ← [проводы] → [сын-солдат]}: *Во третьем-то было садичке – / Родная матушка сидит-плачет. / Она плакала, рыдала / И во солдатушки сына снаряжала; Ой зродила мати сина – / У солдати нарекла, / Гей, та взяла ж його за рученьку, / До прийому одвела; Виряджала мати в військо свого рідного сина; Летіли орли з далекого краю, / Сіли спочивати на вдовиній хаті. / Сіли спочивати на вдовиній хаті... / Виряджала мати сина у солдати;*

СЫН ПРОЩАЕТСЯ С СЕМЬЕЙ – {[отец-мать, сестра, брат, жена, дети] ← [прощание, слезы] → [сын-солдат]}: *За обозами солдатів женуть, / За солдатами матусі ідуть! / Вони плачуть, убиваються... / Що брат з сестрою прощаються!.. / Прощай, отець і матуся стара, / І ти, жона молодьохенькая! / Прощай, отець і сестриця родна, / І ви, брати все роднохенькі!.* В русском народно-песенном субпространстве прощание с родными ассоциировано с дисгармонизацией внутреннего мира сына-солдата, который сакрально связан с родиной, символами которой являются *земля* (мать) и *небо* (отец), *соколы* (братья), *лебеди* (сестры), *солнце, месяц* (дети), ср.: *С родной той ли маменькой я разоставался – / Мать сыра ли земля да простонала; / С родными ли братьями я да разоставался – / Ясны те соколы нароть да раз-*

*летались, / Добры те ли молодцы нарозь да разъзжались; / Со родными ли сестрами я да разоставался – / Беды те лебедушки нарозь да разлетались; / С молодой женой я да разоставался – / Те да слезяны ручьи да протекали; / С малыми **деточками** я разоставался – / Во поле червочки да извивались; / С красными да с девушками я разоставался – / Ретиво ли сердце, эх да сердце встrepенулось; / Со **родом да с племенем** я разоставался – / Весь ведь мир-от да взволновался; Став со **батьюшком** прощаться – / **Небо, земля простонало**, / Став со **матушкой** прощаться – / **Свет-от** стал переменяться. / С молодой **женой-прощаться** – / Тело с **душой** расставаться, / Став с **детушкам** прощаться / **Солнце, месяц** опускаться;*

СЕМЬЯ ПЛАЧЕТ, ПРОЩАЯСЬ С СЫНОМ – {отец-мать; жена, дети} ← [печаль, слезы] → [сын-солдат]: *Провожает его, разудалого, / Его молода жена, провожают его, разудалого, / Его все – **отец и мать**; / Провожают еще его, разудалого, / Его весь и род и племя. / Позади идет его **горюшенька** – **Его молода жена...**; Ой у лісі на дубочку зозуля кувала, / Там у саду у вишневім **мати** заплакала. / Не така вона заплакала, як заговорила, / **Ви-правляла на війноньку рідненького сина**; Заковала сива зозуленька / В лісі над водою; / **Плаче, тужить, жовняр молоденький** / На конику вороному. / Сіла **мати**, сіла старенькая в сіньох на порозі, / Як си погадала, що **сина** оддала, оболляли ю **дрібні слези**.*

В русском народно-песенном субпространстве НР-фольклоризм сын-солдат объединен в оригинальном ассоциативно-образном ряду: представление лирического героя о семье-саде (напоминающем рай) стимулируют внешние и вкусовые отождествления отца с кипарисом, матери – с яблоней, жены – с грушей: *Во строю солдат тяжело вздыхал: / «Мне не жаль, не жаль самого себя, / Только жалко мне зелена сада:... / **Кипарис-дерево – родной батьюшка**; / **Сладка яблонка – родна матушка**; / **Зелена груша – молода жена**».*

Народно-песенное субпространство охватывает и дискурсивные ситуации, когда в подневольной солдатчине сын-рекрут мысленно – соколом – связывается с родными: *«Прилечу я соколочком / И закружусь над теремочком. / Закружусь над теремочком, / Да над **родительским домочком**». / **Мать от радости рыдает, / Да только сына не узнает. / Повстречает мать сына, / Ой, расседого старика; Ой, буду, буду, маменька, через двадцать лет, / Буду, буду к тебе, маменька, через двадцать лет, / Э... прилечу к тебе, сударыня, ясным соколом. / Я кокованьем-горёваньем зелен садик обсушу, / Ой, я горючими слезами твою рассаду оболью.**... /...**Меня, добра молодца, во солдаты меня берут. / Во солдаты, во солдатушки; ворона коня дают...***

Характерно, что символическую роль связующего звена между переживающим солдатом, рекрутом, казаком и его родными в народно-песенном субпространстве переложена на **коня**, готового понести его на встречу с родными, ср.: *У него стоял его **добрый конь**, / Он копытом бил мать сыру землю. / Он не землю бил – молодца будил: / «Ты вставай, вставай, добрый молодец, / Есть ли мочь у тебя, есть ли силушка? / Ты седлай скорей своего коня, / Седлай лучше ты своего коня и садись на меня. / **Отвезу тебя в родную сторону, / К отцу, к матери, к молодой жене, / К молодой жене и родным детонькам**»; Ой летитъ ворон вже понад Дунай та й жалібненько краче: /*

Ой не єден отець, не єдна мати за своїм сином плаче. / Ой ступай, коню, ти підо мною на кривавій ріки. / Бувай здорова, родина моя, пропав же я на віки! / Ой ступай, коню, ти підо мною на розбитую грудю. / Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!

Символизм текстов такого жанра обусловлен эмоциональным напряжением обеих сторон, более близкая солдату природа включается в ассоциативно-образные связи (параллели) с отдаленными родственниками: ... *Прилетели к доброму молодцу три ласточки, / Из них первая садилась на буйной главе, / А другая-то садилась на белой грудю, / Ах, как третья садилась на скорых ногах. / Что как первая-то пташка – родна матушка, / А другая-то пташка – то мила сестра, / Ах, как третья-то пташка – молода жена. / Они взяли мертво тело за белы руки, / Понесли они то тело во высокий терем. / Его матушка плачет – что река льется, / А родна сестра плачет – как ручьи текут, / Молодая жена плачет – как роса падет: / Когда солнышко взойдет, росу высушит, / Как замуж она пойдет, то забудет его...*

Орнитосимволика характерна и для народно-песенных текстов о крепостничестве: дети-соколы отчуждены орлом-невольником для службы господину ({[отец-мать]} → [печаль, слезы]} → [дети-крепостные]): *А на третье літо сокіл прилітає, / Сокіл прилітає і орла питає: / «Ой брате, мій брате, сизокрилий орле, / Де ж подівав ти всі розкоші мої, / Де ж подівав ти мої малі діти?» / «Твої розкоші у огні згоріли, / Твої малі діти у гай полетіли: / Сіли твої діти на високім дереві, / На якому дереві – на колькому терні. / І їхали пани із чужої країни, / Дерево ізрубали, соколят забрали, / Невірному царю гостинця подали».*

Традиционно маркером оберега в украинском народно-песенном субпространстве выступает *біленька сорочка*, которая в иерархии значимых составляющих солдата, бурлака, чумака пребывает в одном ряду с отцом-матерью, сестрой, т. е. с образами оберегов, защитников, опоры: *Чому в тебе, бурлаченьку, сорочка не біла? / «Якби я мав сестру рідну та неньку стареньку, / То дала б мені щонеділі сорочку біленьку»; «Деся у тебе, рекруточку, / Та й мати не рідна, / А що в тебе, рекруточку, / Сорочка не біла?» / «Якби в мене була мати / Або сестра рідна, / То була б мені щонеділі / Сороченька біла».*

Верный друг сына-солдата – *конь*, он же для семьи веститель трагической доли сына, умершего или погибшего в рекрутах; символом смерти является и *ворон*: *«Не стій, коню, надо мною, / Бо ти видиш біду мою. / Іди, коню, дорогою / До матінки з новиною. / Та як прийдеши під ворота, / Та там вийде отець, мати. / Отець вийде, утішить сі, / Мати вийде, засмутить сі: / «Коню ж ти мій вороненький, / Де мій синок молоденький?» / «Ой цит, мати, не жири сі, / Вже твій синок оженив сі. / Взявси за жінку мураву, / Під головоньку купину, / А очу накрав хустинов»; Червона калина / Біленько зацвіла; / Породила бідна вдова / Жовнярика-сина.(...) / Кряче ворон, кряче, / Матусенька плаче: / Поховали її сина в полі край дорожки».*

Предметным символом плохой новости является и письмо сына-солдата или сына, отбывающего тюремное наказание ({[отец-мать]} ← [память, смерть, забота-поминание]} → [сын-солдат; сын-арестант]): *Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка! / Не плачь, не печаль доброго молодца, / Ты не жди, ты*

не жди молодца через три года; / На четвертый год сам письмо пришло, / Во письме пропишу строку черную, / Строку черную, печальную; / Поминай ты меня тогда, родимая матушка, хлебом-солью»; Я в тюрьме – то сижу, да всё письмо я пишу. / Я письмо – то пишу да отцу, матери. / Что отец-от и мать да догадались, / Догадались да взволновались.

Общественно-исторический феномен чумакование (укр. чумацтво) через вербализаторы концепта «родство» предстает в мотивах:

ПАМЯТЬ: *память и уважение – {отец-мать} ← [память, уважение] → [чумак]* (*Ой як став же той чумаченько у дорозі помирати, / Ой і став же він свого товариша вірненько прохати: / «(...) Ой як будете, вірне товариство, на Подолі становитись, / То не забувайте, вірне товариство, отцю й неньці поклонитись!»*); *память и забытье – {отец-мать} ← [память, забытье] → [чумак]* (*«Коли тебе, мій синочку, в гості дождидати?» / «Тоді мене, моя мати, будеш дождидати, / Як поросте зелена трава в хаті на помості!» / Росла, росла зелена трава, стала посихати; / Ждала, ждала мати сина, стала забувати*); *память и смерть – {мать 'зозуля'; батько, отець, сестри, брати, рід} ← [память, смерть, слезы] → [сын-чумак]* (*Прилетіла зозуленька та й сказала: «Ку-ку! / Подай, сину, подай, орле, хоч правую руку!» / «Ой рад би я, моя мати, обидві подати, / Та налягла сира земля – не можна підняти!» Плаче гірко родинонька: / «Де синочки наш лежать, / Порубані, почорніли / І кров'ю обкипіли, / А нікому приглянути!..*

ЗАБОТА: *забота – {мать} ← [забота] → [сын-чумак]* (*Ой мати сина спородила / І вірненько кохала, / Вона ж його в дороженьку / Сильно не пускала*);

ОТЧУЖДЕНИЕ: *забытье, проклены – {ДОМ: отец, мать, жена, дети} ← [проклены] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын-чумак]* (*Гей, дома жінка молодая, / Ще й дитиночка малая, / Іще й ненька старенькая. / Гей, іще й ненька старенькая, / Вона ж мені рідненькая. / Ой вони ж мене дождидать / Та чумачку проклинають; Вернися, чумаче, додому! / Отець, мати лає / Й тяжко проклинає, / Таки тобі фортуна не служить! / Та вернися, милий, додому! / Та плачуть діти за тобою, / Малі діти плачуть, / Та отець і мати лає, / Тим нам талану немає!»*);

ПЬЯНСТВО: *пьянство – {ДОМ: отец-мать} ← [гулянье] → [ШИНОК: сын-чумак]* (*Наливай, наливай, шинкарочко, / А я буду пий! / Ой є в мене отець-мати, / Викуплять мене!*);

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ РОДА, ЖЕНЫ – {ДОМ: жена, дети} ← [разлука] → [сын-чумак]. В таких микроконтекстах актуализируется трагическая коннотация слова-символа *калина* (ассоциация с покинутой женщиной): *Зацвіла калина у лузі да попустила квіти, / Не один чумак кида жінку і дрібненькі діти; В темнім лузі червона калина / Ісхилила віти: / Не один чумак кида своєю жінку / І маленькі діти;*

Народно-песенное субпространство сохраняет негативное отношения матери к желанию дочери выйти замуж за чумака ({ДОМ: мать} → [запрет] → [дочь : чумак – сватанье]): *«Чому мене, моя мати, / Рано не збудила, / А як тая чумачина / З села виїздила?» / «Тим я тебе, моя дочко, / Рано не збудила, / Попереду твій миленький – / Щоб ти не тужила»; «Сватай мене,*

чумаченьку, / Рано й у неділю: / Буду просить у матінки – / Нічого не вдію...» / «Ой піду я, моя мати, / Та за його заміж; / Як ти мене та й не ддаси – / Дак я й умру зараз». / «Легше ж мені тебе, доню, / Дома поховати, / Аніж мені т за його / Заміж тебе дати».

Таким образом, исследование народно-песенного субпространства показало, что НР-фольклоремы в текстах народных песен социально-бытовой тематики стали знаками знания об истории русского и украинского народов. Правда, украинский песенный фольклор трансформирует кроме общих с русской социально-бытовой культурой, специфическое общественно-политическое явление – казачество, а также социально-экономическое явление – чумакование. Однако структуры концептуальных цепочек в своем большинстве подобны тем, что смоделированы на основе анализа песенных текстов о крепостничестве, бурлачестве, солдатчине.

Список литературы

1. **Бобунова, М. А.** Русское фольклорное слово в зеркале словаря (о лексикографическом опыте курских лингвофольклористов) [Электронный ресурс] / М. А. Бобунова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-folklorное-slovo-v-zerkale-slovary-a-o-leksikograficheskom-opyte-kurskih-lingvofolkloristov/viewer>, свободный. (Дата обращения: 26.08.2022 г.).
2. **Єрмоленко, С. Я.** Фольклор і літературна мова / С. Я. Єрмоленко. – К.: Наукова думка, 1987. – 247 с.
3. **Жайворонок, В. В.** Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 2012. – № 4. – С. 49–58.
4. **Лазутин, С. Г.** Поэтика русского фольклора [Электронный ресурс] / С. Г. Лазутин. – Режим доступа: http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/2_2.html, свободный. (Дата обращения: 20.08.2022 г.).
5. **Марфина, Ж. В.** Концептуализация свадебно-обрядового дискурса в русском и украинском песенном фольклоре / Ж. В. Марфина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2019. – № 3. – С. 15–24.
6. **Теппеева, Д. Р.** Лингвостилистические особенности русской народной песни / Д. Р. Теппеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 11. – С. 3526–5330.

Marfina Zh. V.

Conceptualization of Social Motivation of Relations between Family Members in the East Slavic folk-song Subspace

This article deals with scenario motifs in the Russian and Ukrainian folk-song subspace, in which the names of kinship play the role of basic units. Conceptual chains are presented, between their components certain stable semantic relationships are established.

Key words: folk-song subspace, kinship naming units, folklore, conceptual chain.